

UDC 94 (470.62)

**The Marriage Politics of the Russian Authorities in the North Caucasus
as one of the Aspects of the Russian- Mountainous Interaction during the War Time Period
(first half of XIX century)**

¹Sergei L. Dudarev

²Olga V. Ktitorova

³Anastasiya A. Tsybulnikova

¹ Armavir State Pedagogical Academy, Russian Federation

Dr. (History), Professor

E-mail: dudarev51@mail.ru

² Armavir State Pedagogical Academy, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

E-mail: olgakti1@rambler.ru

³ Armavir State Pedagogical Academy, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

E-mail: ana555000@yandex.ru

Abstract. The article features the development of State control over marriages between the Russian and mountainous population during the conquest of South Caucasus by the Russian Empire. The goals, objectives and peculiarities of marriage policy are analyzed. The marriage is regarded here as a tool of stabilization of interethnic relations in the Regions.

Keywords: North Caucasus; the Caucasus War; the interethnic marriages; marriage policy; prisoners of war.

Введение. Российско-горские браки, начавшие заключаться еще во времена Тмутараканского княжества, по мере вхождения территории Северного Кавказа в стратегическое, а позже и государственное поле Российской империи, из явления сугубо частного и редкого постепенно превращались в широко распространенную практику. В условиях Кавказской войны наличие значительного количества пленных женщин и девочек ставило перед властями вопрос об административном урегулировании их статуса и жизненных перспектив. Долговременное присутствие в южнороссийском приграничье значительного числа военных (среди которых велико было количество относительно молодых холостых мужчин) ставило перед правительством задачу обеспечения их достойными женами, в том числе и за счет населения присоединяемых территорий. Кроме того, приходилось решать и проблему жизнеобеспечения девочек-сирот из военнопленных горцев.

Материалы и методы. При написании статьи автор опирался на широкий круг научной литературы, опубликованные и новые, только вводимые в научный оборот, источники, в том числе архивные документы, своды законов, мемуары, полевые материалы. Методологической основой исследования являются принцип историзма, а также хронологический, системный и сравнительный методы научного познания.

Обсуждение. Отдельные исторические источники указывают на то, что российско-кавказские брачные связи стали устанавливаться еще в Киевской Руси. Так, сын Владимира Мономаха Ярополк, посланный в 1116 году отцом на половецкую землю, привел с собой «ясы и жену полони себе ясыню» - Елену-девицу чрезвычайной красоты, дочь Яского или Стенского князя Сварна. Всеволод Георгиевич, брат Андрея Боголюбского, имел жену ясыню Марию, сестра которой была с 1182 г. за Мстиславом сыном Святослава великого князя Киевского, Изяслав Мстиславович в 1154 году женился на царской дочери «из Обезь» [1]. Самым известным российско-кавказским брачным союзом, относящимся к середине XVI в., является женитьба Ивана Грозного на кабардинке Гошаней (в крещении Марии), дочери князя Большой Кабарды Темрюка.

С XVII века наиболее часто в брачные связи с горскими племенами стали вступать южнороссийские казаки. По сообщениям В.Д. Сухорукова, Н.М. Карамзина, П.А. Кулиша в XVII в. донцы «доставали себе жен, как вероятно, из земли черкесской и могли сими браками сообщить детям нечто азиатское в наружности» [2]. Впрочем, межэтнические браки характерны для всех групп казачества в силу специфики их военной деятельности – как пограничные подразделения казаки часто жили в иноэтнической среде и нуждались в свободных женщинах для создания семей. Например, в 1622 г. патриарх Филарет в своем письме архиепископу Киприану отмечал, что многие сибирские казаки «с татарскими и с остяцкими, и с вогулицкими... женами смешиваются... а иные живут с татарскими некрещеными, как есть с своими женами» [3]. К началу XVIII века среди жен уральских казаков встречались татарки, калмычки, казашки и даже персиянки.

Наиболее сблизились с кавказскими племенами гребенские и терские казаки, проживавшие на Северном Кавказе с XVII в. В результате многолетнего (преимущественно мирного) соседства с горцами среди замужних казачек было много женщин местного горского происхождения, особенно чеченок, кабардинок и ногаек [4]. Как отметил И.Д. Попко, «казаки скоро вошли в дружеские и даже родственные связи с горцами..., от которых брали на свое обзаведение зерновой хлеб, скот, лошадей и даже жен невенчальных» [5]. В таких случаях нередко казаками выплачивался положенный по горскому праву калым или кебин. Но так как такой брачный выкуп был зачастую не по карману рядовому казаку (как сообщил П.С. Паллас, в конце XVIII века он составлял «нередко свыше 1000 гульденов» [6]), то наиболее частым способом получения невесты все-таки стало широко распространенное на Кавказе (по тем же причинам) «умыкание», то есть похищение девушки. Как отметил Ф.А. Щербина, «русская казачья вольница на Тереке... в первые времена своего существования буквально-таки добывала себе жен на Кавказе» [7]. К примеру, гребенской казак Фролов был женат на дочери кабардинского князя Таймазовой, которую он в свое время похитил.

Войсковая администрация предпочитала в подобные ситуации не вмешиваться, стремясь хотя бы таким образом решить проблему демографического роста населения российских окраин. Церковные власти хоть и выступали против сожительства казаков с мусульманскими женщинами (в случае отказа горянки принять христианство и венчаться по православному канону), но в силу слабости самих церковных представительств на Северном Кавказе, да и при все том же попустительстве воинского начальства, никаких серьезных ограничительных мер не принимали. Впрочем, о чем можно говорить, когда даже сам «проконсул Кавказа» генерал А.П. Ермолов был трижды женат на мусульманках кебинным браком (т.е. был «невенчан» с точки зрения Церкви). При этом его четверо сыновей были признаны Александром II потомственными дворянами и законными детьми.

По рассказам одной из терских казачек (ст. Червленая), «когда казаки прибыли на Кавказ, они в большинстве прибыли без жен. Они здесь жен воровали. Эту женщину на жереб пускают, кому она достанется. В ст. Червленая живут и калмыки, и ногайцы, и чеченцы, и тавлины. У червленцев чисто русских нет. Я, например, кабардинка по матери. Родословная показывает, что муж по происхождению яицкий казак, и его предкам почти триста лет. Мой дед прекрасно говорил по-ногайски и по-чеченски. Бабушка обладала кумыкским языком, ездила в Аксай. Соседка, бабка Игнатьевна, очень долго жила, по происхождению кабардинка, и никогда не видала родных. Говорят, казаки поехали в Кабарду, женщину поймали и привезли, и назвали ее «манучки». И поймали деток целый хоровод, чеченок, и назвали «манучки». Чеченки пошли с кувшинами по воду ночью, и их поймали. Род Гулаевых от чечен. Ходили мы в кафтанах и штанах, как чеченки, только по-казачьи крутили платком вперед. Нас называли «Гунойский народ». У меня сын горбоносый, черный. Чеченец-старик подошел раз к нам и говорит на сына: «Откуда он?» Я сказал: «С Червленной». И чеченец-старик сказал: «А, гунойский народ». И больше он не стал спрашивать.»

Переязы у горцев обычай воровать жен терские казаки и сами своих девиц нередко теряли по той же причине. Одна из информаторов вспоминает такой случай: «...Про одну женщину говорили, она раньше была украдена в Чечню. Она там жила три года, и все плакала, плакала. И чечен взял вторую жену и ее пожалел: «Что, в Корчагале хорошо?» Старый Щедрин называли Корчагала. И чечен повез ее и отпустил ее на свободу, но сына оставил у себя. Это было во время войны с Шамилем. Прошло время, и сыну сказали, что его мать русская в Корчагале. Он приезжал к ней, и приезжал до тех пор, пока она не умерла» [8].

На Кубани, также как и у терских казаков, причиной брака могло стать пленение горянки или договор с ее родителями (с выплатой достойного калыма). Здесь военная администрация также как правило подобным межэтническим бракам не препятствовала, а нередко даже способствовала. Ведь главной причиной подобных семейных союзов являлся недостаток женщин брачного возраста в кубанских станицах. Как отмечал Ф.А. Щербина, в первое время после переселения казаков на Кубань «...черкесы и черноморцы хотели родниться: черкешенки не прочь были выходить за русских, а казачьи старшины мечтали о женитьбе на черкесских княжнах» [9]. После выравнивания демографической ситуации (что совпало с окончанием военных действий на Северном Кавказе) браки с кавказскими женщинами в казачьей среде стали редкостью.

По данным фактам информатор из ст. Удобной Андрей Гамиев рассказал следующее. «Во время Кавказской войны его прадед (казак ст. Удобной по фамилии Прокопенко) женился на черкешенке, оставшейся в одиночестве с двумя детьми после ухода горцев. Одного ребенка взяли, по неизвестной причине, некие Романовы, а второй, Михаил, по-видимому и продолжил род Прокопенко. Как рассказывают старики, ходила «энта турка» по улицам в штанах и с черным покрывалом на глазах и похожа была из богатой семьи, возможно какого-то горского князька. Тем более, что после войны Прокопенко ездил куда-то на бричке со своей нерусской женой и вернулся со спрятанными черкесами сундуками». Она даже однажды спасла станицу от нападения черкесов, подслушав разговор своих соплеменников, которые под видом «мирных» приехали в станицу на базар. Женщина сообщила об услышанном атаману и казаки успели подготовиться к нападению, за что ее наградили медалью [10].

Военная администрация видела в российско-горских браках еще одну выгодную особенность. Межэтнические браки способствовали складыванию традиций куначества, которые в мирное время твердо поддерживались, а в момент обострения военной ситуации привлекались для освобождения из плена родственников или для разведки. У линейцев-пластунов существовала целая система укрывательства в семьях кунаков при разведке за Кубанью. Одна из современниц Кавказской войны вспоминает: «А чтобы ненависти, так у нас ее к горцам никакой не было... У всякого казака из них кунаки были... Что правда, то правда, воровали, обижали они нас частенько, да ведь и наши не давали им спуска... Сойдутся на сотовку, бывало, бывало, ровно друзья какие; твоя кунак, моя кунак – говорят право...» [11] По свидетельству информатора Е.И. Зыбина «были случаи, когда дети кунаков-горцев воспитывались в казачьих семьях» [12]. В период переселения в Турцию некоторые адыги прятали и оставляли в казачьих семьях своих детей, им давали казачьи фамилии и воспитывали как своих.

По мере учащения на Кубани военных столкновений с горцами (особенно после Адрианопольского мирного договора 1829 года) в станицы после взятия аулов стали попадать девочки-горянки. Довольно часто их усыновляли казачьи семьи. Например, по словам одной из жительниц хутора Карского Ульяны Талановской, в ст. Ильской у казака Дубовина воспитывалась девочка-черкешенка, которая впоследствии вышла замуж за Василия Семиниенко. По-русски ее называли Марией [13].

Если девочка-горянка была аристократического происхождения, то ее могла взять на воспитание и семья пленившего ее офицера-дворянина. Например, Рафаэль Скасси, путешествовавший по Кавказу в начале XIX века, упоминает о том, что жена генерала Бухгольца была «урожденной черкесской княжной: она была захвачена в плен при взятии Анапы графом Годовичем и была воспитана графом Коковским» [14]. По мнению Е.Д. Фелицина, во время пятилетнего владения крепостью Анапой, с 1807 по 1812 год, «русские успели завести дружественные и торговые сношения с туземцами, главным образом при усердном содействии жены анапского коменданта Екатерины Михайловны Бухгольц. Происходя от известной дворянской фамилии Эдиге, абадзехского племени, она 14 лет от роду вышла замуж за полковника Бухгольца, и потом уже всеми мерами старалась расположить своих соотечественников в пользу нашу. В этом отношении Екатерина Михайловна оказала своему мужу огромную помощь и пользовалась общим уважением среди горцев, имевших через посредство ее, сношения с русскими властями. Влияние ее на своих соотечественников было настолько велико, что услугами Екатерины Михайловны долго пользовались и после того, когда муж ее уже не имел никакого служебного положения в Анапе. Так, между прочим, в 1828 году эта почтенная особа принимала деятельное участие в склонении натухайского народа к мирным связям с нами. Ее полезная деятельность известна была и Императору, Николаю Павловичу, не раз удостоившего ее высочайших наград» [15]. Уже после смерти генерала она передала царскому правительству план укреплений Анапской крепости, что значительно облегчило ее завоевание впоследствии русскими войсками.

Для узаконения подобной усыновительной практики на пространстве всего Северного Кавказа в апреле 1833 г. был издан императорский указ «О призрении малолетних дочерей горских жителей, достигающих в плен во время военных действий», в котором в частности говорилось, что надо пленных «дочерей горцев отдавать на воспитание желающим, с правом держать их у себя до 18-летнего возраста, а по достижении оно, предоставлять им избирать род жизни, наблюдая при раздаче, дабы они внедряемы были семейным людям, известным честною жизнью и хорошою нравственностью, с обязательством, что они обучат их грамоте, или приличным мастерствам и рукоделиям; а по достижении возраста, не допуская жить праздно, устроят их отдачею в замужество или доставлением других приличных способов к содержанию...» [16]

Понимая, что по мере активизации военных столкновений в регионе количество попадавших в плен не только девочек, но и взрослых женщин-горянок росло, правительство принимает следующее решение. В императорском указе от 5 мая 1842 года «О дозволении пленным черкешенкам вступать в законный брак с нижними чинами» говорится, что желающим будет дано «дозволение вступить, по принятии Св. Крещения, в законный брак с нижними чинами» и будет пожаловано «на каждое таковое семейство, для первоначального обзаведения, по сорока пяти рублей семидесяти пяти копеек серебром».

Интересно, что издавая этот указ Николай I предполагал следующий механизм его реализации: Командир Отдельного Кавказского корпуса и управляющий гражданской администрацией на Кавказе будет сам «входить с представлением о пособии подобным семействам», а император опять же лично будет давать свое согласие или несогласие. Но по мере приближения к концу военных действий в целом по Северному Кавказу количество русско-горских браков видимо настолько выросло, что в октябре 1857 г. уже новый российский император Александр II был вынужден издать указ, согласно которому предписывалось выдачу «пособия по сорока пяти рублей семидесяти пяти копеек серебром, из государственного казначейства, нижним чинам войск Кавказского Корпуса, вступившим в брак с черкешенками, принявшими православную веру, разрешать военному Министру, по представлению Главнокомандующего упомянутым Корпусом (выделено нами - А.Ц.)» [17].

Возвращаясь к указу от 5 мая 1842 г. надо отметить, что в нем определялась и судьба несовершеннолетних горянок. Там, в частности прописывалось, что «тех из них, кои дворянского

происхождения, и коих пожелают взять на воспитание женатые офицеры, отдавать им, а всех прочих за тем, отправлять, как было назначено и прежде, в Московский Воспитательный Дом» [18].

Для уточнения последнего распоряжения через две недели (22 мая 1842 г.) был опубликован еще один указ «О порядке отправления в Московский Воспитательный Дом женского пола детей пленных горцев», касающийся судьбы кавказских девочек аристократического происхождения. В нем в частности предписывалось следующее:

«1) Таковых детей отправлять из Новочеркасска в Московский Воспитательный Дом при уряднике или благонадежном казаке, с отпуском прогонных денег, как для сопровождающего, так и на каждых трех девочек на одну одноконную подводку.

2) Вменить в обязанность препровождающему уряднику или казаку сдавать сих детей в Воспитательный Дом по списку, в котором означать лета, имена и прозвания каждой девочки.

3) Для сокращения издержек, отправлять означенных детей в летнее время, и именно: в мае и августе месяцах; а до того содержать их в богоугодных заведениях, подведомственных Войсковому Приказу Общественного Призрения.

4) Малолетним девочкам и препровождающему их уряднику или казаку производить в сутки на продовольствие по пятнадцати копеек серебром на каждое лицо, и сверх того снабжать девочек одеждою по табели, для сиропитательного дома установленной, с тем, чтобы одежда эта, если она не нужна будет для них в Воспитательном Доме, поступала обратно в ведение Войскового приказа Общественного призрения, и

5) Всю издержку на этот предмет... отнести на счет казны» [19].

Указанные документы ярко показывают, что в отношении кавказского населения российские власти действовали по тем же законам, что применялись ко всем поданным империи, где-то проявляя внимательность к судьбам кавказских детей даже в большей степени, чем русских. Нередко горянки-воспитанницы принимали православие и позже выходили замуж за русских офицеров.

Восстановление в 1844 году кавказского наместничества позволило генерал-адъютанту, князю М.С. Воронцову, занявшему должность наместника, самостоятельно определять правила обращения с пленными в регионе на основе уже имевшегося российского законодательства. В рамках общих мер по борьбе с горским разбойничеством и военных кампаний по «усмирению» Северного Кавказа в 1847 г. им разрабатываются «Правила о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев...» [20] Особое внимание в документе уделяется судьбам женщин – членов семей и сирот.

В условиях Кавказской войны захват пленных был для российской стороны гарантом возвращения горцами русских пленников – чаще всего женщин и детей, ставших рабами. Система работорговли действовала в регионе задолго до вхождения в состав Российской империи, под нее была «заточена» набеговая практика, а также в целом система экономического функционирования значительной части северокавказского населения, и особенно его аристократической части. Понимая это, кавказский наместник юридически узаконивал 3-месячную отсрочку для захваченных в бою пленников. Так, согласно его Правилам «военнопленные, без различия пола и возраста, остаются в продолжение трех месяцев в ближайших крепостях или укреплениях для размена русских пленных, в горах находящихся».

При этом особое внимание кавказская администрация уделяла сохранению единства горских семей. В документе было предписано «взятых целыми семействами в плен разминать не иначе как семействами же, допуская исключение в таком только случае, если родители сами пожелают отдать кого-либо из детей горцам на обмен наших пленных». В горах русские семьи, наоборот, при продаже в рабство разбивались горцами в произвольном порядке. Это затрудняло возврат, особенно маленьких детей.

Если горских пленников в течение трех месяцев не удавалось отдать по обмену, то их отправляли в Новочеркасск, где находился распределительный пункт. По воспоминаниям кубанского казака А. Шпаковского, служившего в 1840-х годах на Лабинской линии, те горцы, которых не смогли обменять «отправлялись в землю Войска Донского и там их водворяли в так называемых «черкесских станицах». Офицер указывает так же, что тем из горцев, кто соглашался принять христианство «давались и гражданские права, и полная свобода по достижении совершеннолетия» [21]. Но горцев, особо отличившихся набегами на Линии, судили как преступников и после распределения в Новочеркасске их ждали сибирская каторга или арестантские роты.

М.С. Воронцов в соответствии с предыдущими распоряжениями императора закрепил юридически правила «попечительства» над горскими пленницами. Так, «женщин и девиц пленных, взятых не в составе семейств, а отдельно, дозволяется не отправлять в Новочеркасск, если, при их согласии, кто из находящихся в наших гарнизонах женатых офицеров или чиновников, известных по надежной нравственности, пожелает взять их на свое попечение». Впрочем при желании родителей или родственников детей их могли взять на попечение независимо от семейного положения. В обязанности попечителей входило не только содержание и воспитание пленниц, но и их дальнейшее трудоустройство и выдача замуж. Возрастной порог опекунов определялся в 25 лет, после чего девушка могла сама определять свою судьбу. Во избежание злоупотреблений (были попытки некоторыми дворянами использовать юных пленниц в качестве наложниц) военное начальство оставляло за собой право лишить опекуна его прав на взятого ребенка. Также одним из главных предписаний являлось недопущение перевода пленниц в крепостническое состояние.

Военная администрация Кавказа способствовала увеличению российско-горских брачных союзов, основываясь на положениях ранее указанного императорского указа 1842 г. В Правилах кавказского наместника «нижним чинам сухопутных войск и флота, а равно и лицам гражданского ведомства не возбраняется вступать в законный брак с пленницами, если оне для замужества с христианами приняли св. крещение, достигли установленного возраста и изъявили согласие на таковой союз». Интересно, что в дополнение к этому пункту подробно разъясняется необходимость ненасильственной и осознанной смены конфессии. Сохранялась согласно Правилам и установленная ранее на государственном уровне выплата жениху «для первоначального обзаведения» в 45 руб. серебром.

Заключение. В рассматриваемый период практика заключения российско-горских браков использовалась властями для достижения ряда задач: стабилизации межэтнического взаимодействия в регионе; жизнеобеспечения кавказских пленниц-сирот; демографического прироста за счет создания семей российскими военнослужащими в регионе (в условиях недостатка русских женщин в зоне беспокойного приграничья). С момента выхода границы России на Северный Кавказ наибольший процент межэтнических браков пришелся в первую очередь на казачество. Причем до второй четверти XIX века среди казаков значительное количество российско-горских браков диктовалось не столько красотой и покорностью горянок, сколько банальным недостатком русских женщин в станицах. Именно выравниванием демографической ситуации объясняется сокращение межэтнических браков у кубанских казаков к середине XIX века. Но на Центральном и Северо-Восточном Кавказе всю первую половину XIX века наблюдалось, наоборот, увеличение смешанных браков, что с одной стороны объяснялось ростом количества пленниц в период усиления военных действий в 1840–1850-е гг., а с другой – увеличением количества холостых рекрутов и офицеров нижнего звена, остававшихся после демобилизации на постоянное жительство в регионе.

Благодарности. Работы выполнены в рамках исполнения государственного задания № 944 по теме: «Этнолокальные сообщества в поликультурном пространстве России: проблемы универсализма и идентичности».

Примечания:

1. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 455.
2. Королев В.Н. Черкесский элемент в донском казачестве (XVI–XVII вв.) // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С. 26-27.
3. Миненко Н. «Жена мужа бьет – не на худо учит» // Родина. 2004. №5. С. 117.
4. Кирюхин В.С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике во взаимодействии. Саратов, 2000. С. 194.
5. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. СПб., 1880. С. 24.
6. Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 214-224.
7. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: Репринтное воспроизведение в 2-х томах. Т.1. Краснодар, 1992. (Репр. воспр.: Екатеринодар, 1910-1913.). С. 337.
8. Русский прозаический фольклор в Дагестане и на Северном Кавказе (в записях 1972-1975 гг.) / Публ., вступ. статья и коммент. В.С. Кирюхина. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1980. С. 167.
9. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т.1. С. 611.
10. Полевые материалы автора: Гамиев Андрей Иванович, 1971 г.р., ст. Удобная.
11. Матвеев О.В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар, 2002. С. 60.
12. Полевые материалы автора: Зыбин Евгений Иванович, 1935 г.р., г.Армавир.
13. Харченко А. Между Илем и Шебшем: Очерки истории Северского района Краснодарского края. Краснодар, 1993. С. 20-21.
14. Цитата по: Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. С. 54.
15. Фелицин Е.Д. Князь Сефер-бей Зан. Политический деятель и поборник независимости черкесского народа // Кубанский сборник. Т.Х. Екатеринодар, 1904. С. 8-9.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т.8/1. СПб, 1830. № 6123.
17. Там же. Т.32. СПб., 1830. № 32315.
18. Там же. Т.17. СПб., 1830. № 15608.
19. Там же. Т.20. СПб., 1830. № 19022.
20. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 389. Оп. 1. Д. 39. Л. 50-51.
21. Шпаковский А. Записки старого казака // Военный сборник. СПб., 1872. № 8. С. 352.

References:

1. Belokurov S.A. Snosheniya Rossii s Kavkazom. M., 1889. S. 455.

2. Korolev V.N. Cherkesskiy element v donskom kazachestve (XVI–XVII vv.) // Rossiya i Severnyy Kavkaz (problemy istoriko-kulturnogo yedinstva). Groznyy, 1990. S. 26-27.
3. Minenko N. «Zhena muzha byet – ne na khudo uchit» // Rodina. 2004. №5. S. 117.
4. Kiryukhin V.S. Otrazheniye sovremennoy istorii, etnicheskikh svyazey i natsionalnykh otnosheniy v russkom folklore na Severnom Kavkaze, a takzhe na Donu, Prikaspii, Yaike vo vzaimodeystvii. Saratov, 2000. S. 194.
5. Popko I.D. Terskiye kazaki so starodavnikh vremen. Vyp. 1. SPb, 1880. S. 24.
6. Pallas P.S. Zametki o puteshestviyakh v yuzhnyye namestnichestva Rossiyskogo gosudarstva v 1793 i 1794 gg. // Adygi, balkartsy i karachayevtsy v izvestiyakh yevropeyskikh avto-rov XIII–XIX vv. Nalchik, 1974. S. 214-224.
7. Shcherbina F.A. Istoriya Kubanskogo kazachyego voyska: Reprintnoye vosproizvedeniye v 2-kh tomakh. T.1. Krasnodar, 1992. (Repr. vospr.: Yekaterinodar, 1910-1913.). S. 337.
8. Russkiy prozaicheskiy folklor v Dagestane i na Severnom Kavkaze (v zapisyakh 1972-1975 gg.) / Publ., vstup. statya i komment. V.S. Kiryukhina. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatelstvo, 1980. S. 167.
9. Shcherbina F.A. Ukaz. soch. T.1. S. 611.
10. Polevyeye materialy avtora: Gamiyev Andrey Ivanovich, 1971 g.r., st. Udobnaya.
11. Matveyev O.V. Vragi, soyuzniki, sosedi: etnicheskaya kartina mira v istoricheskikh predstavleniyakh kubanskikh kazakov. Krasnodar, 2002. S. 60.
12. Polevyeye materialy avtora: Zybin Yevgeniy Ivanovich, 1935 g.r., g. Armavir.
13. Kharchenko A. Mezhdum Ilem i Shebshem: Ocherki istorii Severskogo rayona Krasnodarskogo kraya. Krasnodar, 1993. S. 20-21.
14. Tsitata po: Sukunov Kh.Kh., Sukunova I.Kh. Cherkeshenka. Maykop, 1992. S. 54.
15. Felitsin Ye.D. Knyaz Sefer-bey Zan. Politicheskiy deyatel i pobornik nezavisimosti cherkesskogo naroda // Kubanskiy sbornik. T.Kh. Yekaterinodar, 1904. S. 8-9.
16. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 2. T.8/1. SPb, 1830. № 6123.
17. Tam zhe. T.32. SPb, 1830. № 32315.
18. Tam zhe. T.17. SPb, 1830. № 15608.
19. Tam zhe. T.20. SPb, 1830. № 19022.
20. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya. F. 389. Op. 1. D. 39. L. 50-51.
21. Shpakovskiy A. Zapiski starogo kazaka // Voyenny sbornik. SPb., 1872. № 8. S. 352.

УДК 94 (470.62)

**Брачная политика российских властей на Северном Кавказе
как один из аспектов российско-горского взаимодействия
в военное время (первая половина XIX века)**

¹ Сергей Леонидович Дударев

² Ольга Васильевна Ктиторова

³ Анастасия Александровна Цыбульникова

¹ Армавирская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: dudarev51@mail.ru

² Армавирская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: olgakti1@rambler.ru

³ Армавирская государственная педагогическая академия, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: ana55000@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс складывания государственного контроля в сфере заключения браков между российским и горским населением в процессе вхождения территории Северного Кавказа в состав Российской империи. Анализируются цели, задачи и особенности брачной политики государства как инструмента стабилизации межэтнического взаимодействия в регионе.

Ключевые слова: Северный Кавказ; Кавказская война; межэтнические браки; брачная политика; военнопленные.